

«В РОДЕ ДОН-ЖУАНА...»

(о замысле романа «Евгений Онегин»)

Существует давно обратившее на себя внимание, но до сих пор не объясненное противоречие в свидетельствах Пушкина о своем романе в стихах. «Что касается до моих занятий, — сообщал он П. А. Вяземскому 4 ноября 1823 г., уже написав первую онегинскую главу, — я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница! В роде Дон-Жуана — о печати и думать нечего; пишу спустя рукава» (XIII, 73). Спустя полтора года он решительно возражал А. А. Бестужеву по поводу той же первой главы: «Ты сравниваешь первую главу с Д<он>-Ж<уаном>. Никто более меня не уважает Д<он>-Жуана (первые 5 пес<ен>, других не читал), но в нем ничего нет общего с Онег<иним>. Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня сатира? О ней и помина нет в *Ев<гении> Он<егине>*. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры. — Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен... Ах! Если б заманить тебя в Михайловское!... ты увидишь, что если уж и сравнивать *Онегина* с Д<он>-Ж<уаном>, то разве в одном отношении: кто милее и прелестнее (*gracieuse*) — Татьяна или Юлия? 1-я песнь просто быстрое введение, и я им доволен (что очень редко со мною случается)...» (XIII, 155).

«Ничего общего» — это, конечно, слишком сильно сказано. Понятно, что и равноправие автора в системе образов пушкинского произведения, и его строфическая организация генетически связаны с «Дон-Жуаном», при всем различии лирической темы и собственно строфы в двух этих романах. Полное же несходство их сюжетного решения представляется безусловным. «Таким образом, — завершает сравнительный анализ современный исследователь, — хотя и «Дон-Жуан», и «Евгений Онегин» являются «романами в стихах» XIX в., они представляют разные виды романов — социально-психологический роман и роман-хронику»¹. Иначе судит об этом В. Викери: «Именно общее очертание сюжета «Евгения Онегина» и, в частности, пушкинское ограничение сюжета од-

¹ Беликова А. В. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Дон-Жуан» Байрона — романы в стихах. — Вестник МГУ. Филология, 1982. № 2. — С. 78.

ним эпизодом и своей собственной страной позволило комментаторам настаивать на том, что «Евгений Онегин» истинно «роман в стихах», первый подлинный русский роман в реалистической традиции Тургенева и Толстого — и поэтому по существу отличен по жанру от «Дон-Жуана». Несмотря на все это, мы смеем утверждать, что различие между двумя произведениями не столь фундаментально, как может показаться на первый взгляд: 1) байроновский «Дон-Жуан» содержит след смещения плутовской традиции к тому фону, который в некоторой степени сходен с «Евгением Онегиным»; 2) метод, при помощи которого «Евгений Онегин» осуществляет свое эстетическое влияние, более сходен с байроновским методом, нежели у Руссо или Бенжамена Констана, не говоря уж о Тургеневе и Толстом»². Для доказательства этого тезиса В. Викери сравнивает роман Пушкина с «английскими» (начиная с одиннадцатой) главами «Дон-Жуана», обнаруживая в них искомое подобие.

Однако, как мы помним, замышляя свое произведение, Пушкин не знал этих глав и мог ориентироваться лишь на сюжет романа-путешествия, сменяющихся любовных приключений (роман с Джулией, кораблекрушение и встреча с Гаиде на греческом острове, происшествие в турецком гареме), которые открылись ему в первых пяти главах «Дон-Жуана». Но с такими перипетиями у Пушкина в его романе, действительно, нет ничего общего.

И все же...

Среди байроновских реминисценций (а их здесь немало) в первой онегинской главе давно отмечена следующая:

«...Сладко слушать в полночь, среди синих и освещенных луною волн Адриатики пение гондольера и удары его весел, смягченные отдалением; сладко смотреть на восхождение вечерней звезды, сладко внимать шелесту ночного ветерка среди листьев; сладко любоваться в выси на радугу, выступающую из океана и охватывающую небо». (I, 122)³.

Эта строфа, написанная в Бренте, рождает отклик в пушкинском романе:

*Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле
С венецианкою молодой,*

² Viceru W. N. Byron's «Don-Juan» and Puškin's «Evgenij Onegin»: the Question of Parallelism. — Indian Slavic studies, 1967. — V. IV. — P. 183.

³ Байрон. Полное собрание сочинений. — СПб., 1884. — Т. 5. — С. 26. В дальнейшем «Дон-Жуан» Байрона цитируется по этому изданию.

*То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.
Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! — взываю к ней;
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутию моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный берег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуночных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.*

*Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны...
(VI, 25—26).*

Комментируя текст, Ю. М. Лотман замечает: «Строфы посвящены плану побега за границу, обдумывавшимся Пушкиным в Одессе <...> Маршрут, намеченный в XLIX строфе, близок к маршруту Чайльд-Гарольда, но повторяет его в противоположном направлении»⁴.

Чайльд-Гарольда комментатор вспоминает не случайно. И в первой, и в других главах (см.: I, XXXVIII, 4, XLIV, 8, VIII) герой пушкинского романа психологически впрямую сближен с этим героем Байрона, но отнюдь не с его Дон-Жуаном, который (по крайней мере, вначале) представляет собою естественного человека, полного сил и энергии, ни в коей мере не подверженного сплину, разочарованию в жизни. Эту духовную болезнь, вслед за Байроном, Пушкин обнаруживает и исследует художественными средствами в своих современниках. Может быть, именно это психологическое несходство заглавных героев байроновского и пушкинского романов в стихах затемняло несомненное откровенное подобие пушкинского замысла, с самого начала ориентированного все же на роман Байрона («в роде Дон-Жуана»).

Но если в первой главе романа (в начале «большого стихотворения») Пушкин всерьез заявляет о своем желании покинуть родину, то как же ему рисовался общий сюжет задуманного произведения?

Задуманный в третью годовщину ссылки, 9 мая 1823 года, ро-

⁴ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. — Л., 1980. — С. 172.

ман Пушкина осмыслился им как роман-прогноз. В первой главе, отнесенной к 1819 году, можно отметить некий психологический анахронизм. Пушкин здесь утверждает, что мысль о побеге за границу возникла у него еще в Петербурге, до ссылки. Но было иначе. Лишь в Кишиневе, сделав попытку добиться возвращения в столицу и получив отказ, Пушкин начинает всерьез обдумывать возможность побега из России. Он понимает, что для осуществления такого предприятия необходимо время. И потому начинает свой роман без предварительного плана, так как сюжет должен был сложиться в ходе осуществления жизненного замысла. Первое же любовное приключение его герой должен был пережить на родине. Впрочем, так обстояло дело и в «Дон-Жуане» Байрона, да и в этом романе Пушкин, еще не подозревая о грядущей собственной ссылке в деревню, мог почерпнуть мотив, который ему предстояло развить самостоятельно:

«Сладко наследство, и еще слаще нежданная смерть какой-нибудь старухи или старика, которым перевалило за семьдесят, и которые заставляли нас, «молодежь», ждать... ждать слишком долго их поместья, капитала или замка» (1, 125).

*«Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены»*

(VI, 27), —

замечает поэт, обрисовывая во второй главе обстановку поместной жизни Онегина и характеризуя действующих лиц первого романного эпизода, но не теряет из виду основной цели на ближайшее будущее. Уже перебравшись для этого в Одессу, он обдумывает в январе 1824 г.: «Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, в Зимнем дворце, что против Петропавловской крепости, не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится невтерпеж» (XIII, 85—86).

Об этом замысле Пушкин вспоминал, прощаясь с Одессой в августе 1824 г., в стихотворении «К морю» (первоначальное название «Морю»):

*Не удалось навек оставить
Мне скучный неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.*

(II, 332 — курсив мой, С. Ф.)

Проследивая возникновение у Пушкина мысли о побеге за границу, М. А. Цявловский так оценивает это стихотворение: «Но не только любовь к женщине (Е. К. Воронцовой — С. Ф.) не позволила Пушкину осуществить «поэтический побег». Была и другая причина — прозаическая — безденежье, в котором он пребывал в Одессе. «Живя поэтом — без дров зимой, без дрожek летом», мог

ли Пушкин серьезно думать о путешествии в Италию (XLIX строфа I главы «Евгения Онегина»), Константинополь (письмо к брату), Африку (L строфа I главы «Евгения Онегина») ? Все это были романтические мечты, отголоски увлечения Байроном»⁵.

Серьезность намерений Пушкина в одесский период жизни здесь поставлена под сомнение, и тем самым «отголоски увлечения Байроном» не связываются с движением замысла «Евгения Онегина». А между тем точное пушкинское определение «*поэтический побег*», думается, впрямую связано с первоначальным «планом» романа в стихах, действие которого предполагалось перенести на просторы Европы.

Мысль об этом не оставляла Пушкина на протяжении всей работы над «самым задушевным» его произведением. Недаром в 1836 г. он, вспоминая крымские впечатления 1820 г., писал: «Там колыбель моего «Онегина» (XVI, 395). Как понимать это замечание? Вероятно, в том смысле, что именно тогда в поэтическом воображении ссыльного поэта впервые возникла мысль о «поэтическом побеге»:

*Лети, корабль, неси меня к пределам дальним
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей...*

*Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья...*

(II, 146—147).

Достаточно сравнить эти строки со строфами XLIX—LI первой главы романа, чтобы обнаружить в них зерно того же замысла («колыбель» «Онегина»).

В начале 1825 года Пушкин в письме к Бестужеву, казалось бы, склонен начисто отрицать связь «Евгения Онегина» с «Дон-Жуаном». Но приглядимся внимательно к его письму от 24 марта. Во-первых, он все-таки предлагает сравнить, «кто милее и прелестнее (gracieuse) — Татьяна или Юлия», — тем самым признавая род соревнования с Байроном. А главное, предупреждает Бестужева: «Дождись других песен».

Нельзя упускать из виду, что, издавая первую главу романа («быстрое введение»), Пушкин предполагал особым способом дать наметку о его возможной сюжетной перспективе, поручая брату найти «искусный и быстрый карандаш» для иллюстрации все тех же строф XLIX—LI, которые, вероятно, представляются ему ключевыми для понимания общего замысла «свободного романа». Тогда

⁵ Цявловский М. А. Тоска по чужбине у Пушкина. // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. — М., 1962. — С. 132.

же, в октябре 1824 г., в стихах, также обращенных к брату, Пушкин пишет:

*Презрев и пени укоризны,
И зовы сладостных надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд...*
(II, 349) ⁶.

Казалось бы, это стремление вырваться из ссылки, никак не отражается на творческой истории романа, который идет своим чередом, сюжетно замкнутый в поместной глуши. Однако изучение черновых рукописей произведения убеждает в том, что, закончив к весне 1825 года первый эпизод романа объяснением Онегина с Татьяной, Пушкин делает попытку форсировать сюжет и пишет в марте — апреле 1825 г. ряд «одесских строф» («Я жил тогда в Одессе пыльной» и пр. — см. VI, 464—473), которые наполнены ощущением близости заморских стран и кончаются лирическими строками, удивительно напоминающими описание петербургской ночи в первой главе, которое предваряет признание о «вольном беге» — за границу:

*Но поздно — тихо спит Одесса
Плывет луна светла
И ночь недвижна и тепла
И, как прозрачная завеса
Объемлет небо — все молчит
Лишь море Черное шумит.*
(VI, 473).

Обычно считается, что строфы эти написаны в опережение плана, так как в переработанном виде позже вошли в главу «Путешествие Онегина». В ней будет отмечена новая встреча в Одессе героя и поэта, разведенных судьбою, как мы помним, в 1819 году в Петербурге. Но и весной 1825 года Пушкин, по всей вероятности, тоже готов был привести в Одессу своего героя. Зачем? Очевидно, чтобы отправить его в заграничное путешествие. С этого времени сам Пушкин предпринимает отчаянные попытки добиться разрешения на поездку в Ригу якобы для лечения аневризма, а на самом деле, планируя опять свой собственный побег⁷. И в связи с этим готовит в романе, по образцу «Дон-Жуана», сюжетное перемещение из России, которое должно было наступить в четвертой главе.

Та же мечта прорывается в лирических строках поэта. Летом 1825 г., обращаясь к П. А. Осиповой, он скажет:

⁶ О датировке стихотворения и уточнении первой его строки см.: Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1983. — Т. XI. — С. 57.

⁷ Цявловский М. А. Тоска по чужбине у Пушкина. — С. 138—149.

*Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой стороне
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.*

*Но и в дали, в краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом...*
(II, 395).

Вполне понятно, что Пушкин еще не пытается сколь-нибудь жестко планировать дальнейший ход романа — романа свободного, который должен был складываться непредсказуемо, в зависимости от ожидаемых поворотов собственной судьбы.

Ожидание это не могло не прорываться в лирических размышлениях михайловского узника.

Отсюда идет, как мне кажется, мощное вторжение в лирику Пушкина михайловского периода инонациональной тематики: испанской («Ночной зефир Струит эфир...»), арабской («Подражание Корану»), африканской («Клеопатра»), итальянской («Под небом голубым Страны своей родной»), французской («Андрей Шень»), португальской («С португальского»).

Только в конце 1825 г., когда надежда на поездку в Ригу (с дальнейшим бегством за рубеж) оказалась неосуществимой, сюжет романа в стихах вылился в трагическую коллизию столкновения Онегина с Ленским, и этим была исчерпана первая часть романа (шестая глава при публикации кончалась пометой: «Конец первой части»). Но значило ли это, что первоначальный замысел романа уже тогда казался Пушкину прерванным и невозможным? Отнюдь нет. 27 мая 1826 г. он пишет Вяземскому: «В 4-й песни Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно — услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не возвратится — ай да умница!» (XIII, 280).

Освобожденный из михайловской ссылки, Пушкин долгое время предпринимает отчаянные усилия выехать за границу, вновь безуспешные. С этим, очевидно, и связано медленное продвижение работы над романом. Едва ли, после того, как первый эпизод романа растянулся на шесть глав и по сути дела наметил основное противостояние двух героев, Онегина и Татьяны, Пушкин мог обдумывать сюжет романа-хроники, но все же завершение (вторую часть) его он, видимо, по инерции намечал вне пределов России. Следует заметить, что первоначальное предположение о числе глав романа, кратных шести (ср. помету в печатном тексте при шестой главе) также ориентирует пушкинский роман в стихах на «Дон-Жуана» Байрона; в первой главе последнего об этом заявлено неоднократно. Ср.: «Поэма моя эпическая и, по замыслу, должна делиться на двенадцать книг; в каждой из них будут содержаться и

любовь, и война, и морские бури, новые характеры; эпизодов будет три; разрабатывается панорама ада, в стиле Виргилия и Гомера, так что название «эпической» заслужено вполне» (I, 200); «Сверх того, в Песне Двенадцатой, я намереваюсь указать настоящее место, в которое попадают порочные люди» (I, 207); «...я закончил опять двести слишком строф, как и прежде; это, приблизительно, то число, которого я намерен держаться в каждой из моих двенадцати или двадцати четырех песен» (2, 216).

Седьмая глава, должна определить новый виток сюжета, долго не давалась Пушкину и закончена им лишь 4 ноября 1828 г. В течение всего этого года (как и предыдущего) он пытается добиться официального разрешения на заграничное путешествие, причем возникающие в его мыслях маршруты — самые причудливые. Он то просит (вместе с Вяземским) разрешения отправиться на Балканы «в действующую против турок армию», то обсуждает (вместе с Вяземским, Грибоедовым и Крыловым) план совместного «европейского набега», то готов (очевидно, вместе с Грибоедовым) ехать в Персию, то пытается определиться в китайскую миссию (вместе с П. Л. Шиллингом фон Канштадтом). Именно потому в ту пору и онегинский маршрут ему остается неясен.

Приведя в начале главы 7-й Татьяну в дом Онегина (между прочим в онегинской библиотеке она нашла «Творца глубокого негодного Жуана»), заставив ее заподозрить «Уж не пародия ли он» («Москвич в Гарольдовом плаще»), поэт продолжает:

*С ее открытием поздравим
Татьяну милую мою —
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою.
Убив неопытного друга,
Томленье [сельского] досуга
Не мог Онегин перенести,
[Решился он в кибитку сесть] —
[Раздался] колокольчик звучный,
Ямщик удалый засвистал,
И наш Онегин поскакал
Искать отраду жизни [скучной]
По отдаленным сторонам,
Куда не зная точно сам.*

(VI, 442).

Любопытно, что не позже 1827 года Пушкин набрасывает заметку, напечатанную в альманахе «Северные цветы» на 1828 год в составе «Отрывков из писем, мыслей и замечаний»:

«Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однако ж в «Дон-Жуане» описывает он Россию, зато приметны некоторые погрешности противу местности...» (XI, 55).

Возможно, заметка эта вызвана раздумьями над «планом» вто-

рой части «Евгения Онегина»: по идее, действие ее должно было бы развиваться за пределами России, но Пушкин не хочет забегать вперед своей судьбы, отмечая, что Байрон в подобном случае не мог избежать «важных» ошибок. Косвенным подтверждением связи этой заметки с работой над «Евгением Онегиным» служит явная перекличка между нею и текстом строфы XXXV главы седьмой:

*Зато зимы порой холодной
Езда приятна и легка,
Как стих без мысли в песне модной
Дорога зимняя гладка.*
(VI, 154).

Ср.: в заметке: «Например, он говорит о грязи улиц Измаила; Дон-Жуан отправляется в Петербург *в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной, каменистой дороге*. Измаил был взят зимою, в жестокий мороз... Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные...» (XI, 55).

Так и не решив для себя в ту пору вопроса, куда направить Онегина, Пушкин занялся пока описанием судьбы Татьяны, а спустя год-два, все же вернувшись к путешествию героя, вынужден (мысль о собственном заграничном вояже к этому времени окончательно поэтом оставлена) ограничить его маршрут Россией. Нельзя не признать, что мотивировка такого решения избрана довольно неожиданно:

*[Наскуча] слыть или Мельмотом
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он Патриотом
В Hotel de London, что в Морской.
Россия [мирная] мгновенно
Ему понравилась отменно
И решено — уж он влюблен,
Россией только бредит он,
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой,
С ее развратной суетой,
Онегин едет, он увидит
Святую Русь: ее поля,
Селенья, грады и моря —*
(VI, 475—476).

Только теперь, болдинской осенью 1830-го года, Пушкин окончательно расстается с мыслью о романе-побеге и вспоминает о ней в связи с рассказом о посещении героем Тавриды (ср. его замечание о «колыбели Онегина»):

*В ту пору мне казались нужны
Шумящих волн [края] жемчужны,*

*И бури шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безнадежные страданья.
Другие дни, <другие> сны,
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Я много прозы подмешал
(VI, 489 — курсив мой, С. Ф.).*

Строки эти, в несколько измененном виде, появятся в составе примечаний к отдельному изданию романа «Евгений Онегин», что давало возможность читателям сравнить их с финалом романа, в котором поэт также возвращался к воспоминанию о замысле:

*...Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.*

*Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал...
(VI, 190).*

Две строки из этих последних строф романа: «Я сквозь магический кристалл» и «Иных уж нет, а те далече» — стали камнем преткновения множющихся пушкиноведческих этюдов, пытающихся точно уловить собственно пушкинский смысл действительно сокровенных, задушевных, словно семантически закурсивленных слов⁸.

Если ориентация (хотя бы и в замысле, пусть не осуществившаяся, но желаемая) пушкинского романа в стихах на байроновский «Дон-Жуан» верна, то в нем мы, скорее всего, можем, вероятно, найти нечто подобное.

В самом деле, в одиннадцатой главе «Дон-Жуана», где действие переносится на родину поэта и надолго там задерживается (читая впоследствии «английские» главы — и в этом В. Викери прав! — Пушкин не мог не поразиться, как устремляясь в замысле за произведением Байрона, он, по сути, предвосхищал его!), мы

⁸ См. последние работы на эту тему: Ветловская В. Е. «Иных уж нет, а те далече...»//Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1986. — Т. 12. — С. 104—123; Сорокин Ю. С. «Магический кристалл» в «Евгении Онегине». — Там же. С. 335—340; Матвеевский Б. Магический кристалл.//Декоративное искусство, 1988. — № 10. — С. 35—37; Безродный М. В. Еще раз о пушкинском «магическом кристалле»//Временник Пушкинской комиссии. — Л., 1988. — Вып. 22. — С. 161—166.

находим явственную параллель к «загадочным» онегинским строкам:

«Увы! где мир, существовавший еще только за восемь лет назад? (вспомним, что и Пушкин в конце романа сравнивал с нынешним мир восьмилетней давности — С. Ф.). Он был... и я его ищу... он исчез, как шар хрустальный, который треснул, дрогнул и пропал, едва ли обратив на себя внимание, пока безмолвное изменение не нарушило вовсе его блестящей массы. Государственные деятели, воители, ораторы, королевы, патриоты, короли и щеголи — всех их смел ветер своими крыльями...» (II, 75).

И чуть ниже:

«Скажи, какие реки текут теперь в этих руслах?.. Многие умерли, другие бежали, иные чахнут на континенте...» (II, 79).

Мысль продолжить роман (по крайней мере, «для себя») после окончательного объяснения Онегина с Татьяной — не оставляла Пушкина еще в болдинскую осень 1830 года. Несколько же ранее, 12 мая 1830 года, он пытался определить, сколько должно быть глав в его произведении. Я имею в виду до сих пор не расшифрованный подсчет на полях набросанного поэтом плана его сочинений в четырех (первоначально пяти) частях⁹.

«Евгений Онегин» здесь намечался (для печати!) в девяти главах, но тут же, сбоку, Пушкин пометил:

6
7
8
9 } 8
10
11
12
13
14
15

По привычке размышляя с пером в руках, Пушкин, вероятно, просчитал здесь число возможных онегинских глав. Уже тогда он колебался, выделять ли «Путешествие Онегина» в отдельную главу, — отсюда охватывающая скобка при цифрах 8 и 9, замененных одной: 8. Очевидно, ему было ясно, что в 9-й (или 8-й) главе произойдет окончательное объяснение Онегина с Татьяной. Что же должно было случиться дальше, если вслед за этим роман мог насчитывать еще шесть глав? Думается, что здесь мы опять сталкиваемся с рудиментом первоначального замысла произведения, ориентированного на путешествие героя. После разрыва с Татьяной едва ли Онегин остался бы на родине.

В конце концов Пушкин подобного замысла не исполнил, и «самое любимое дитя его фантазии» типологически разошлось с первоначальным ориентиром: романом Байрона «Дон-Жуан». Об этом

⁹ См.: Рукою Пушкина.//Несобранные и неопубликованные тексты. — М., 1935. — С. 246.

в свое время писал В. Г. Белинский: «Форма романов вроде «Онегина» создана Байроном; по крайней мере, манера рассказа, смесь прозы и поэзии в изображении действительности, отступления, обращения поэта к самому себе и особенно это слишком ощутительное присутствие лица поэта в созданном им произведении — все это есть дело Байрона. Конечно, усвоить чужую новую форму для собственного содержания совсем не то, что самому изобрести ее, тем не менее, при сравнении «Онегина» Пушкина с «Дон-Хуаном», «Чайльд-Гарольдом» и «Беппо» Байрона, нельзя найти ничего общего, кроме формы и манеры... Байрон писал о Европе для Европы... Пушкин писал о России для России — и мы видим признак его самобытного и гениального таланта в том, что, верный своей натуре, совершенно противоположной натуре Байрона, и своему художническому инстинкту, он далек был от того, чтобы соблазниться создать что-нибудь в байроновском роде, пища русский роман... Он заботился не о том, чтобы походить на Байрона, а о том, чтобы быть самим собою и быть верным той действительности, до него непочатой и нетронутой, которая просилась под перо его. И зато его «Онегин» — в высшей степени оригинальное и национально-русское произведение»¹⁰.

Все это так.

Но генетическая связь, в замысле своем, пушкинского романа с байроновским, — позволяет, как мне кажется, понять саму логику сложной творческой судьбы «Евгения Онегина».

Даже в 1835 году, размышляя о том, как мог бы быть продолжен его роман в стихах, Пушкин скажет:

*...Роман не кончен — понемногу
Иди вперед; не будь ленив.
Со славы, вняв ее призывью,
Сбирай оброк хвалой и бранью —
[Рисуй и франтов городских,
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
И келью и харем...]
(III, 397).*

В свою очередь, через ряд промежуточных набросков¹¹ этот отрывок, как мне кажется, связан по мысли с неоконченным стихотворением 1829 года:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,*

¹⁰ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.; 1955. — Т. 7. — С. 440—441.

¹¹ См. об этом: Левкович Я. Л. Наброски послания о продолжении «Евгения Онегина» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. — Л., 1974. — С. 255—277.

*В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?*

(III, 19).

Кажется, и здесь проступает перспектива долго волновавшего пушкинское воображение замысла. «В роде Дон-Жуана»...

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЙМИНА**

Псков 1991